

О.Ю. Крючкова

КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Саратовский государственный университет

Положение о коммуникативной обусловленности словопроизводственных процессов является одним из фундаментальных в словообразовании. Исследуя структурно-семантические параметры словообразовательных моделей, дериватологи исходят из того, что реальным источником возникновения новых производных слов является речевая коммуникация, что «все формальные видоизменения одного слова существуют для того, чтобы обеспечить его нормальное функционирование в тексте и, следовательно, внутри высказывания» [1, с. 179].

В данном случае мы хотим обратить внимание на различные типы коммуникативной обусловленности словообразовательных единиц (производных слов, словообразовательных моделей, словообразовательных категорий). Характер взаимодействия словообразования и речевой коммуникации варьируется в зависимости от многих факторов – системно-языковых, стилистических, когнитивных, социокультурных. Производное слово может выступать как результат и как фактор коммуникативного процесса; может коррелировать с «поверхностной», внешней структурой текста и с его «глубинной», семантической и концептуальной структурой, обусловленной тенденциями развития общенационального дискурса.

В первом случае используются стилистические ресурсы словообразования, селекция осуществляется на уровне стилистически различающихся синонимических формантов. Требованиям «поверхностной» организации текста отвечают также словообразовательные модели так называемой «конструктивной» направленности (по Е.А. Земской), в рамках которых «производное слово создается в целях упрощения структуры речи»: а) «сокращается имеющаяся в языке номинативная единица» или б) «упрощается синтаксическое построение» [2, с. 68]. Производные стилистически маркированных словообразовательных моделей и производные, создающиеся в рамках конструктивных моделей (аббревиатуры, универбаты), целиком обусловлены характером конкретных коммуникативных актов и могут быть определены как результирующие единицы дискурсивного процесса. Появление таких производных вызвано прежде всего необходимостью определенного внешнего оформления речи в соответствии с условиями коммуникации. Производные названных словообразовательных типов входят в стилистическое согласование с элементами контекста.

В производных других словообразовательных моделей, имеющих собственно номинативную и экспрессивную направленность, реализован второй, более сложный тип коммуникативной обусловленности. Источником возникновения подобных производных являются тенденции концептуального развития дискурсов различных типов. В этом смысле производные номинативно ориентированных и экспрессивно ориентированных словопроизводственных моделей также выступают как результат дискурсивного процесса. Однако, отражая глубинные содержательные потребности коммуникации, эти производные, реализованные в «поверхностной» структуре текста, сами становятся факторами его организации, управляя семантическим согласованием языковых единиц. Производные с преобладанием стилистико-конструктивных функций связаны с эволюцией текста, понимаемого как форма бытования дискурса; производные же собственно номинативных и экспрессивных моделей находятся в сфере когнитивно-дискурсивной эволюции.

Наиболее явно коммуникативная природа словопроизводства обнаруживается в словах окказиональных благодаря тому, что момент порождения таких слов и речевая среда их возникновения очевидны и доступны наблюдению. Подобные данные могут быть также получены при диахронном исследовании словообразовательных единиц, выявляющем причины формирования словообразовательных моделей и словообразовательных категорий.

Рассмотрим виды взаимодействия словопроизводственных и коммуникативных процессов на материале редупликационных словообразовательных моделей. Производные этих моделей – слова с удвоенными (семантически дублирующими) аффиксами (типа др.-русск. **львичиць, писательникъ, невѣрствне, съ-по-стигнѹти, неист-ов-ьн-ый**, совр. *вулканиза-тор-щик, хохот-оч-ек, по-при-за-быть*) – представляют собой интересный для сформулированной цели класс слов. Во-первых, это во многих случаях слова окказиональные, часто единичного употребления; во-вторых, в моделях словообразовательной редупликации задействованы аффиксы, служащие реализации различных коммуникативных интенций (стилистически маркированные, собственно номинативные, экспрессивные словообразовательные средства); в-третьих, модели словообразовательной редупликации функцио-

нируют в границах всех категориально-грамматических классов, что позволяет не ограничивать наблюдения частеречной принадлежностью производных слов; в-четвертых, редупликационные словообразовательные модели отмечены на всех хронологических срезах истории русского языка, и диахронное их изучение дает возможность выявить устойчивое и исторически варьирующееся в способах взаимодействия словообразовательных и коммуникативных тенденций.

Среди редупликационных моделей, возникающих на разных этапах языковой истории, значительное место занимают модели, сформированные в соответствии с потребностями «поверхностной» структуры текста. В различные исторические периоды такие модели могут иметь различное, даже противоположное, содержание, продуцировать производные с неодинаковыми конкретными функциями.

Так, в древнерусский и старорусский периоды активно развиваются модели редупликации со старославянскими аффиксами, порождающие производные слова, роль которых заключалась исключительно в создании «ореола книжности»: удвоение восточнославянского суффикса невзрослости – ич(ь) южнославянским вариантом -ищ(ь) (*львичь* – *львичищь*, *робичь* – *робичищь*, *сестричь* – *сестричищь*); распространение глагольных префиксов вторичными приставками старославянского происхождения *про-*, *при-*, *прѣ-*, *съ-*, *из-*, *раз-*, *воз-* (*повѣдати* и *проповѣдати*, *проважати* и *прѣпроважати*, *прострѣтися* и *распрострѣтися*, *избрати* и *произбрати*). Выбор редуплицированного или нередуплицированного варианта производного определялся исключительно стилистикой текста. Производные с аффиксальным удвоением входили в стилистическое согласование с другими элементами контекста. Ср.:

• • Ѡ • • *горлицы или два голубича*. Библ. Генн. 1499 г.

Но в другом списке того же памятника: *Аще ли не может рука его спостигнути съ овцо принести грѣха дѣля своего...* • • Ѡ • • *горлицы или* • • Ѡ • • *голубичища* г҃ѣ. Контекст слова *голубичищь* содержит префиксально редуплицированный глагол *с-по-стигнути*.

Великого князя деревни... Семеновские Игнатѣва Великопогостного за Ивашкомъ за Блеклымъ за Семеновымъ сыномъ Михайлова за Трусовымъ сестричемъ Воробьина. ДТП II, 21. 1500 г.

Но: *Ганю же кesarю сице погившѣ, сестричищъ его присный скипетры приемень и кesarь нареченъ высть Севастъ*. Хроногр. 1512 г., 229. В контексте существительного *сестричищъ* употреблена синтаксическая конструкция старославянского

происхождения – оборот «дательный самостоятельный».

...кого *сѣвѣ изберутъ*. Д҃х. и дог. гр. 1382 г.; *Паче поущьшаго лоучьшее славно произьравъ*. Мин. окт. 1096 г. Контекст дупрефиксального глагола *про-из-брати* включает старославянскую форму полного прилагательного на -аго – *поущьшаго*.

Начиная с XVI–XVII вв. все большее развитие получают редупликационные модели противоположной стилистической направленности, порождающие сниженно-разговорные формы. Это прежде всего модели с вторичным суффиксом -к-, отражающие эволюцию текстов в сторону усиления в них устно-разговорного начала. Производные с вторичным суффиксом -к- (типа *брызгалка*, *крапинка*, *дядинка* ‘жена дяди’), обозначая «то же, что» первоначально производные существительные (*брызгалло*, *крапина*, *дядина*), отличались от своих производящих лишь разговорной стилистической маркированностью и употреблялись исключительно в памятниках деловой письменности, отмеченных сильным влиянием разговорной речи. Ср. официальную запись и запись, передающую разговорную речь: ...*записано в литейной сѣнодикъ имя преставльшейся дядины его Ксѣнии*. (Кн. прих.-расх. мон. казн.) Арх. Он. 1688 г.

Но: *Да я же Моисейко слышал ѹ своей дядинки ѹ Ѥфимовой жены Васильева ѹ Парасковьи*. А. Сбир. м., № 110. Допрос. 1649 г.

Стилистическая противоположность «книжных» и «разговорных» моделей редупликации не устраняет общности их коммуникативных функций. Подобные модели ориентированы на «поверхностный», «формальный» уровень текста, их коммуникативная целесообразность заключается в насыщении текста соответствующими формами с целью его внешней, стилистической обработки.

Параллельно моделям «поверхностно-дискурсивного» (текстового) уровня в истории русского языка формируются редупликационные модели, обусловленные «глубинными» коммуникативными тенденциями. В таких моделях отражается концептуальная эволюция национального дискурса.

Так, с принятием христианства, в связи с усвоением новых культурно-философских концептов, возникла коммуникативная потребность в развитии предметного способа представления качеств, действий и состояний, стимулировавшая активное становление словообразовательной категории *nomina abstracta*. Новизна соответствующих моделей, калькированных с греческих образцов, сложность идеи, передаваемой абстрактными именами, вызвали к жизни модель редупликации абстрактно-именных суффиксов -ѣств(о) + -и(е) и обеспечили этой модели высокую продуктивность. Производные на

-стви(е) (типа **блаженствіе, невѣрствіе, мило-сердствіе**) использовались чаще всего именно в переводной литературе для наиболее точного, «надежного» выражения тех отвлеченных понятий, которыми изобилвала византийская догматическая и философская литература.

Nomina abstracta с редуцированным формантом выступают аккумуляторами следующей когнитивно-коммуникативной антиномии: поддерживая собственно транспозиционную абстрактную семантику, они вместе с тем, подчеркнуто (в плане выражения) морфологизируя переход слова «из одного содержательного, “энциклопедического” класса в другой» [3, с. 37], усиливают тенденцию к отрыву имен качеств и состояний от исходных мотивирующих, отражают постоянное стремление синтаксических дериватов (осуществляемое прежде всего на уровне нормы) приобретать качества лексических [4]. Особенно наглядно указанная антиномия выявляется в отглагольных параллелях на -ство и -ствие. Характерно, что в случаях семантических расхождений между однокоренными существительными на -ство и -ствие в именах с редуцированным формантом актуализируются непроецессуальные абстрактные значения. Присоединение второго суффикса с отвлеченным значением усиливает семантический отрыв имени от глагола, «работает» на утверждение предметного категориального значения производного имени существительного. Ср.: **Странствіе** – 1) ‘странствование’; 2) ‘странничество’. **Странствіе** – ‘странноприимство’. **Чувствіе** – 1) ‘чувствование, способность чувствовать’; 2) ‘сознание, понимание’; 3) ‘внешнее чувство’; 4) ‘орган чувства’. **Чувствіе** – 1) ‘чувство’; 2) ‘внешнее чувство’. **Томительствіе** – 1) ‘жестокость, мучительство’; 2) ‘тягость, мучение’; 3) ‘притеснение’. **Томительствіе** – ‘жестокость’.

Актуализация в русском национальном дискурсе других концептуальных признаков – значения качественности в семантике имен прилагательных; значений, характеризующих протекание действия во времени (вида и способов глагольного действия); значений субъективной оценки – обусловила развитие словообразовательных моделей, обеспечивающих экономное, внутрисловное выражение этих актуальных для коллектива говорящих смыслов. Именно в этих концептуально значимых сферах смыслового пространства языка сосредоточиваются и модели аффиксального удвоения, маркирующие коммуникативную ценность соответствующих концептов и в то же время их недостаточную сформированность.

Так, в системе имен прилагательных присоединение вторичного относительно-притяжательного суффикса -ськ- или вторичного относительно-ка-

чественного суффикса -ьн- к первичному посессивному суффиксу -ов- или -ин- способствовало транспозиции именной формы посессива в местоименную и усилению относительно-качественной семантики у местоименных форм имен прилагательных. Ср., например, в следующих контекстах посессивное значение у именных суффиксально редуцированных форм прилагательных и относительно-качественное значение у однокорневых местоименных форм с суффиксальной редупликацией:

Рождство Христово. Стихир. 1157 г.; Христовъ хръстителю Иоане. Там же.

Но: **Хъвныа** страсти на тѣлѣ своемъ носл. Мин. Пуг. XI в.; **Оутвърдиса вѣрою църкы Христовънаа.** Ирм. ок. 1250 г.;

Еванове попове (надпись о чем-то, принадлежащем попу Ивану). Берест. гр. XIII-XIV вв.

Но: **Намъ же въсѣмъ въходящемъ съ Епифантѣмъ въ црквь, имяхъ мысль вѣжати, тяготу творя вѣмя поповское.** Усп. св. XII-XIII вв.

А павел и сугъ сынове неприязнини (Неприязнь – ‘злой дух, дьявол’). Остр. ев. 1057 г.;

Но: **Льстьць ли вѣ Хсъ, संबожни от льсти не-приязниньскыя и мущая зълыи дхы?** Усп. св. XII-XIII вв.

В системе глагола суффиксальная редупликация (-а- + -ва-) служила средством передачи длительности и многократности действия. Глаголы без суффиксальной редупликации (типа **кончати, обоняти, привѣщати**) нейтральны по отношению к передаче длительности действия, тогда как глаголы с вторичным суффиксальным формантом -ва- (**кончавати, обонявати, привѣщавати**) обозначали именно длящееся или обычное, постоянное действие. Иначе, пользуясь классификацией значений несовершенного вида, предложенной А.В. Бондарко [5], можно сказать, что глаголы без суффиксального удвоения употреблялись по преимуществу с конкретно-процессным значением, в то время как суффиксально редуцированные глаголы выражали неограниченно-кратное, ограниченно-кратное или обобщенно-фактическое значения. Ср.: **И егда кончаютъ прологъ, и тогда почнутъ литургию.** Х. Ант. Новг. XIV в.

Но: **Како же мы увѣжимъ мѹкы бесконьчныя, коньчавающе в рѣмя житія сего въ лѣности.** Усп. св., XII-XIII вв.

Яко же и самѣмъ намъ обоняти... благоухание. Гр. Наз.; XI в.

Но: **Почто во речетъ: не слѹхомъ глядаемъ, а очима слышимъ, а ноздрьми въ кѹшаемъ, а языкомъ обоняваемъ.** Изв. Св. 1073 г.

Редупликация глагольных префиксов отвечала общим тенденциям развития русского глагола, в системе которого был поставлен относительно

действия вопрос «как?» [6, с. 15] и формировалась так называемая «количественная аспектуальность»: значения полноты и неполноты действия, его исчерпанности, длительности, распределения на множество объектов. Ср.: Про довѣро. Учни, порозмери мене є мни. Берест. гр. XIV в.

Придоша безаконнии...и исѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска...а все изъобнажено и поругано. Новг. 1 лет. XIII–XV вв.

...а обилье все попроводи в Новъгород в лодьяхъ. Новг. 1 лет.

Формирование словообразовательных средств выражения «количественной аспектуальности» согласуется с развитием в словообразовательной подсистеме средств субъективной оценки, в частности с интенсивным ростом в старорусский период (XV–XVII вв.) деминутивно-оценочной деривации [4]. Именно этим важнейшим тенденциям семантического развития русского национального дискурса соответствуют редупликационные модели, поддерживающие значимые и активно развивающиеся в языковом коллективе смыслы. Не случайно в старорусский период актуальность аффиксального повтора возрастает именно в тех словопроизводственных сферах, которые специализированы на отражении субъективной позиции человека в окружающем его мире, которые обеспечивают реализацию реактивного (оценочного), по классификации Г.А. Золотовой [7, с. 315], коммуникативного регистра.

Когнитивно-коммуникативная обусловленность описанных моделей подчеркивается тем, что по мере выработки устойчивых средств выражения значимого концептуального содержания происходит отмирание редупликационных моделей или их структурно-семантическое преобразование. Ср., например, разрушение функционировавшей в древнерусском языке редупликационной модели, подчеркивающей имперфективное значение глагольной основы (конч-а-ти – конч-а-ва-ти, обѣщ-а-ти – обѣщ-а-ва-ти), вследствие стабилизации средств выражения имперфективации; разрушение моделей суффиксальной редупликации прилагательных, усиливающих качественную семантику адъективов (звѣр-ин-ый – звѣр-ин-ск-ий, вол-ов-ый – вол-ов-н-ый), вследствие укрепления качественных значений в семантической структуре первичносуффиксальных производных. На базе деминутивно-оценочных и акционсартно-префиксальных редупликационных моделей формируются новые структурные образцы словопроизводства с двааффиксными формантами, например: -очк(а) (кисточка, звездочка, черточка), пона-, повы-, пораз- (понанести, повыдумать, поразбежаться), поскольку именно подобные устойчивые последовательности аффиксов становятся наиболее эффективными выразителями соответствующих значений.

Когнитивно-коммуникативная природа подобных словообразовательных моделей проявляется на «поверхностном» (текстовом) уровне. Производные моделей этого типа вступают в семантическое согласование с элементами контекста. Ср.: Оному же въ томъ монастыри десято е уже коньчавающа лѣто случися скончати. Ж. Гав. осв., XIII в.

Въземше оба сны шел плачѹчи глѹ о вѣже бѣда мнѣ и вам сночковѣ мила я иво матка ваша дана иному мужю. Р. Д., XVII в.

Двѣ попониска лошадиных пестрых, ветхих, да веревченко сѣновязное, ветхое (Кн. прих.-расх. Карел. с.) Арх. Он. 1693 г.

...и во многихъ мѣстехъ города поизставлялъ. Посольство Васильчикова. 1589 г.

И воинскихъ вещей много себѣ понаизбраша. Каз лет. 35. XVII в.–XVI в.

В подобных употреблениях производное слово функционирует одновременно как результат и как фактор коммуникативного процесса, определяясь семантикой контекста и определяя ее.

Коммуникативная природа словообразовательных единиц, детерминированных глубинными когнитивно-дискурсивными процессами, обнаруживается также в развитии семантического варьирования словообразовательных моделей. Новые смыслы, выражаемые результативными единицами моделей редупликации, носили нечеткий, контекстно обусловленный характер. Способом актуализации релевантных сем многокомпонентных словообразовательных значений становится речевой акт. Например: Говещаше невозможный еще поисксвити ю [пѹшкѹ]. Пов. о Царьграде. XVI в. («дополнительно, как следует»). Она же... посла ко царю...царское некое врашно и питие смертно устроивъ, онъ же повѣле поисксвити часть малѹ дати псѹ сѣбѣсти, [питие] же излити. Каз. лет. XVI–XVII вв. («немного»).

Ср. также употребление одномоделных производных: Всеволодъ же исповѣда емѹ [Изяславу] все бывшее. Ипат. лет. (значение исчерпанности действия). Мало бо въдасть, а мѣного испноситъ. Изв. Св. 1076 г. (значение интенсивности действия).

Коммуникативная сущность словообразовательных процессов проявляется и в регулярной окказиональной редеривации, в возможности в соответствии с требованиями коммуникации «разъять» узусальное производное слово. Ср.: вестка, лентка (< восточка, ленточка), вруха, замараха (< врушка, замарашка), потрепаться вм. пообтрепаться (пальто потрепалось), потаскать вм. повытаскать (Когда кончили обед, Ричард мгновенно потаскал прочь, одно за другим, блюда, потом тарелки, ножи, вилки, куски хлеба. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

Например, в словопроизводстве характеризующих лично-одушевленных наименований неударенные и ударенные суффиксальные форманты обладают равными деривационными возможностями. В речевой практике почти каждое производное лично-одушевленное существительное с суффиксами -ух-, -уш-, -ах-/-ях-, -аш-/-яш-, -ан-, -яг-, -уг-/-юг- может функционировать с расширенным за счет вторичного присоединения суффикса -к(а) формантом. Ср.: *хитрюга* – **хитрюжка*¹, *торопыга* – **торопыжка*, *плакуша* – **плакушка*, *копуша* – **копушка*, *коняга* – **коняжка*, *трудога* – **трудожка*, *стиляга* – **стиляжка*, *говоруша/говоруша* – **говорушка*, *горюша/горюша* – **горюшка*. И наоборот: суффиксально удвоенные форманты, присоединенные к основам лично-одушевленных существительных, легко членятся на составляющие, в результате чего появляются экспрессивные окказиональные редериваты: *попрыгушка* – **попрыгуха*, *дурнушка* – **дурнуха*, *трепушка* – **трепуха*, *врушка* – **вруха*, *болтушка* – **болтуха*, *хохотуш-*

ка – **хохотуха*, *замарашка* – **замараха*, *зубряжка* – **зубряга*.

Вероятность подобного рода редеривации поддерживается на современном этапе активным проникновением в литературный язык периферийных жаргонно-просторечных элементов, в том числе словообразовательных моделей, характерных для жаргонной речи, в частности словопроизводственных образцов с суффиксами -ух(а) (ср. *кликуха*, *чернуха*, *развлекуха*, *стипуха*), -яг(а) (*блатяга*, *тюряга*, *пилотяга*, *пленяга*) и др. (см.: [8, с. 301; 9, с. 74]).

Таким образом, любое производное слово, любая словообразовательная модель и словообразовательная категория коммуникативны по своей природе, находятся в постоянном взаимодействии с текстом и дискурсом. Вместе с тем типы этого взаимодействия различны и многообразны и требуют тщательного, многоаспектного изучения. Значительный интерес представляет, в частности, выявление соотношенности (обусловленности) деривационных моделей и процессов с различными типами и жанрами дискурса.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
2. Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987.
3. Урынсон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4.
4. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
5. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4.
6. Аксаков К. О русских глаголах. М., 1855.
7. Золотова Г.А. Новая русская грамматика: идеи и результаты // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998.
8. Земская Е.А., Ермакова О.П., Рудник-Карват З. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998.
9. Юсупова Н.Г. К вопросу о стилистических свойствах морфем // Проблемы русской морфемики. Орехово-Зуево, 1995.

Л.А. Калимуллина

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА)²

Башкирский государственный университет

Многоаспектный анализ моделей семантической деривации в настоящее время признается одним из перспективных направлений семасиологических исследований [см. 1; 2]. На наш взгляд, такой анализ может быть весьма плодотворным в том случае, когда его объектом выступает та или иная совокупность языковых единиц, связанных систем-

ными формально-смысловыми отношениями, например ЛСГ, семантическое поле и т.п. Такое исследование позволяет выявить и описать случаи регулярной многозначности, которые могут стать отправной точкой для углубленного изучения семантических универсалий, носящих как абсолютный, так и статистический характер. При этом осо-

¹ Звездочкой помечены не зафиксированные словарями формы.

² Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «РГНФ–Урал» №06-04-84403а/У.